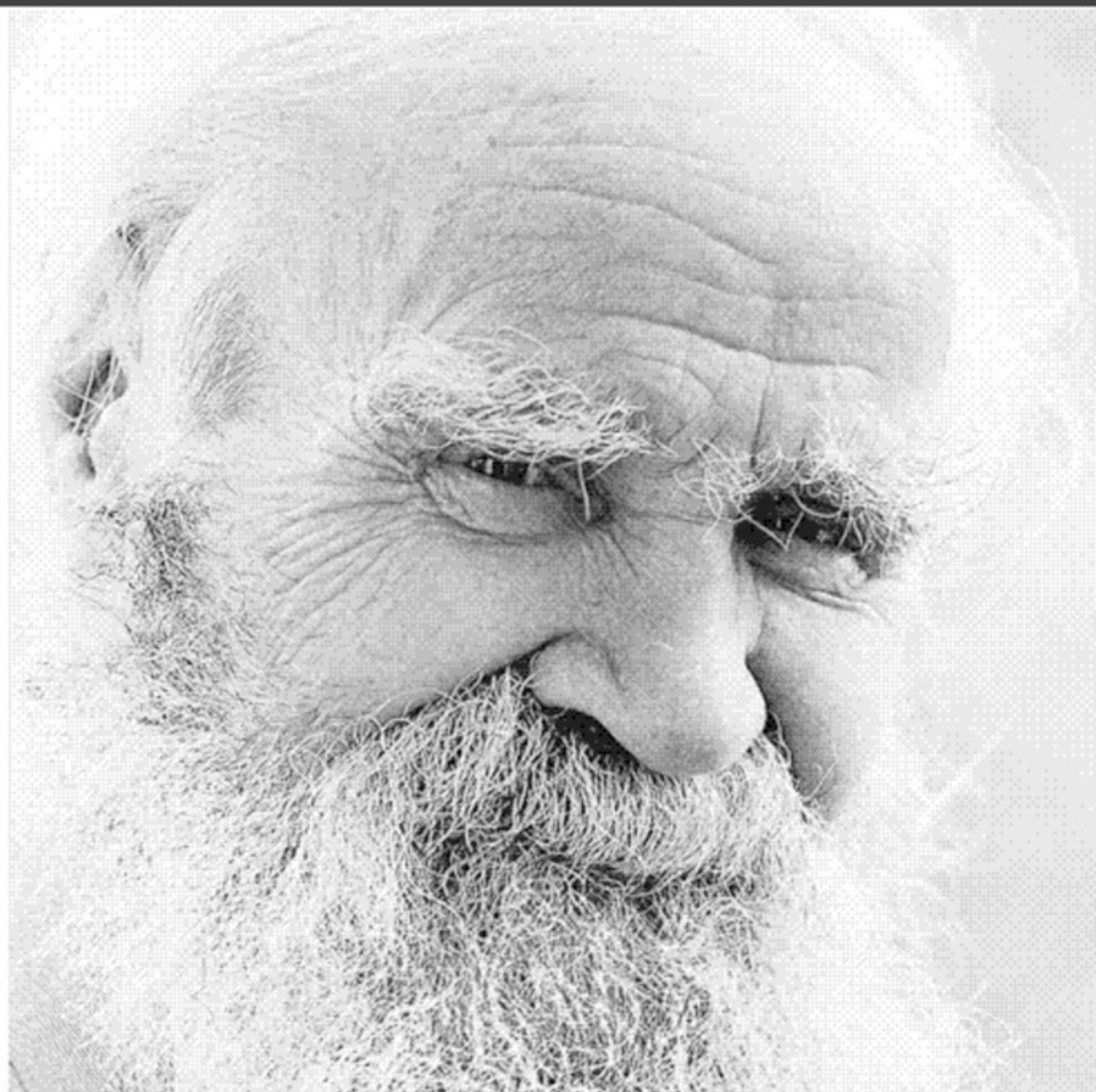

Егор Черкасов

*Рассказывал дед Макар
и другие рассказы*

Егор Черкасов

**Рассказывал дед Макар
и другие рассказы**

«Издательские решения»

Черкасов Е.

Рассказывал дед Макар и другие рассказы / Е. Черкасов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937558-2

«Мы знали, что дед Макар святым никаким не был, но был человеком необыкновенным. Только сейчас я понял, почему мы были так нужны друг другу — старый и малый. Это был МОЙ ДЕД, который открывал мне глаза на мир, ненавязчиво учил меня уму-разуму. Это была какая-то невидимая нить, которая вела от старого к новому. И мы зацепились этой нитью...»Егор Черкасов

ISBN 978-5-44-937558-2

© Черкасов Е.
© Издательские решения

Содержание

О ПРАВДЕ И ТЕХ, КТО С НЕЮ ЖИВЕТ НА ЗЕМЛЕ	6
ЕГОР ЧЕРКАСОВ И ЕГО «ДВОРНЯГА»	11
Отзыв В. М. Терехова на рассказ Егора Черкасова «Рассказывал дед Макар»	13
Отзыв В. В. Колесника на рассказ Егора Черкасова «Детский альбом»	14
«УСТАМИ ЭТИМИ ГЛАГОЛИТ ИСТИНА»	15
КНИГА ПЕРВАЯ	17
ДЕТСКИЙ АЛЬБОМ	17
Глава 1. Детский альбом	17
Глава 2. знаю, почему умерла Люська	17
Глава 3. Как у Сеньки зуб выпал и как мы с дерева прыгали	18
Глава 4. Помню: мама ночью плакала	19
Глава 5. С бабушкой в церкви, или почему по утрам я не люблю Бога	19
Глава 6. На исповеди	20
Глава 7. Болею	21
Глава 8. Самая страшная тайна	21
Глава 9. Почему охает бабушка, плачет по ночам мама, и почему я не хочу быть взрослым	21
Глава 10. Свой фотоальбом	22
ДВОРНЯГА	24
Часть I ДЕТСТВО	24
Глава 1. Двор	24
Глава 2. Первый класс	24
Глава 3. Песни дяди Вовы	24
Глава 4. Поминки бабы Шуры	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Рассказывал дед Макар и другие рассказы

Егор Черкасов

© Егор Черкасов, 2018

ISBN 978-5-4493-7558-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О ПРАВДЕ И ТЕХ, КТО С НЕЮ ЖИВЕТ НА ЗЕМЛЕ

*Размышления Владимира Хохлева над произведением
Егора Черкасова «Рассказывал дед Макар»*

Вопрос первый.

Почему пожилые люди часто внуков любят сильнее, чем собственных детей? Почему старому деду легче о чем-нибудь поговорить с пацаном, чем со взрослым? Почему ребенок готов открывать свои тайны не родителям, а дедушкам и бабушкам?

Потому что...

Человек, недавно родившийся, еще не «испачкан» миром – не отягощен заботами взрослой жизни, не «набил руку» в решении вопросов. Он не волнуется о том, что ему есть и что пить, во что одеться – это проблемы его родителей, воспитателей... Не строит финансовых планов, не вычерчивает прибыльных схем. Он еще недалеко от Бога и Его ангелов, но при этом открыт всему, что встречается в земной жизни и людей воспринимает прямо, такими, какие они есть. Маленький человек возводит свои домики или играет в куклы, не философствуя – делая то, что нужно делать. При этом он изучает жизнь и, в отличие от взрослых, задает тысячу вопросов «почему?».

Человек, перед уходом из мира, возвращается к детским чувствованиям. Заботы взрослой жизни его уже практически не интересуют. К еде и одежде он относится философски, что есть – тому и рад. Он постепенно открывается Вечности и оглядываясь на свою жизнь, анализирует её ошибки и достижения. Благодаря приобретенной житейской мудрости видит других людей «насквозь», знает, что у кого на уме. Знает о том, с каким неистовством люди мечтают о земном богатстве, и чем готовы жертвовать ради него. Старый человек может и хочет предостеречь молодых от всего, что способно отвести их от правды жизни. И поэтому готов отвечать на многочисленные «почему?».

Все перечисленное и сближает молодость со старостью. Так бы я ответил на первый вопрос.

Вопрос второй.

Почему Правда жизни открывается не всем – некоторым, избранным? Почему многие – в том числе и старики – держатся за нажитое мертвой хваткой, не могут понять простой истины: физическая смерть отбирает все земное, материальное? Почему не верят в то, что душа предстает перед Богом «голой», ничем не приукрашенной и даже не прикрытой? Что человек дает отчет за свои действия лично... Почему те немногие – которые понимания достигли – должны открывать глаза другим людям, будить совесть, подталкивать к вслушиванию, всматриванию в жизнь, к ее изучению?

Потому что поверхностное, потребительское, «не серьезное» отношение к жизни не может быть «всеобщим форматом». Кто-то должен знать Правду и говорить о ней – чтобы люди не забыли о главном. И чтобы Правда не умерла.

И конечно, потому еще, что те немногие, которым Правда открылась, страстно хотели этого... Жаждали истинного знания. И Бог помог им его получить – избрал. Однако не поспешил возвысить некоторых своих избранных в общественном сознании, оставил почти «незаметными» для взрослых... Но каким-то странным образом «подтянул» к ним детей.

Я попытался ответить на поставленные вопросы «научно», а вот художественно среагировать на них, кажется смог Егор Черкасов в своем повествовании «Рассказывал дед Макар».

О чем рассказывал дед? О правде. Кому? Деревенским пацанам, среди которых Егор – на особом положении.

Интересно проследить, как воздействуют друг на друга эти герои – Егор, от лица которого (уже повзрослевшего) ведется повествование, и дед Макар, известный в деревне как пьяница и затворник.

Егор говорит:

«Сначала мы просто любили его слушать, дедушка любил много говорить с нами».

Подчеркну, «любил говорить» с детьми дед, который (как его характеризует Егор) не любил людей «за их вечную злобу, корысть, нелюбовь к ближнему и вранье».

Почему же после смерти деда одна соседка прозвала его святым? Как известно, святость «вырастает» из любви. Егор с таким определением не вполне согласен:

«Мы знали, что дед Макар святым никаким не был, но был человеком необыкновенным. Мне казалось, что он на меня из всех пацанов в деревне больше внимания обращал. Только сейчас я понял, почему мы были так нужны друг другу – старый и малый. Это был МОЙ ДЕД, который раскрывал мне глаза на мир, ненавязчиво учил меня уму-разуму. Это была какая-то невидимая нить, которая вела от старого к новому. И мы зацепились этой нитью. Он был тогда важнее для меня в своих рассуждениях, чем „нотации на бегу“ моих загнанных жизнью родителей, чем равнодушные типовые ответы учителей школы на мои робкие вопросы. Он просто отпечатался в моем детском сердце, которое не умело врать. Не врал и дед Макар. Нам ничего не надо было друг от друга, он – доживал. Я – начинал жить. <...> Его слова, пробуждали во мне СМЫСЛ и СОВЕСТЬ. Ведь все учили нас в то время быть хитрыми, осторожными, а он, по сути, учил нас быть дураками из сказки, где счастливый конец поджидает только честных дураков. Сердцем чувствовать этот мир и его чудесный промысел и не врать себе».

Уже взрослый Егор вспоминает о честных мыслях деда, пытается найти причину его одиночества и понять, почему дедушкины слова напоминают о себе, в чем их сила:

«Дед Макар мыслил монументально, иногда он „заходился“, или речь его заплеталась от изрядно выпитого. Но одно могу заявить точно: я не помню, чтобы изреченные мысли дедушки, хотя бы одна, потом не вернулась ко мне и не напомнила о себе. Мыслил дедушка честно. Он имел на все свое мнение, такое непохожее на мнение сплоченного в своей безликости большинства, и поэтому всем был он чужой, а значит – лишний. Лишний – для этой жизни, в которой он не пригодился своей честностью и умом ни самому себе, ни обществу. Лишний, потому что богатый опыт его жизни был выводом только для него самого. Он был отчаянно одинок. И я, такой маленький, тогда почувствовал своим сердцем его взрослую боль. Какая-то внутренняя кассета во мне тогда записывала цепко все его „философии“, словесные выбросы, для меня, сегодняшнего. Тогда я не вмещал его мудростей, а теперь они становятся нужнее и понятнее мне. <...> Что-то теплое исходило от деда, пусть и мешался у него запах махорки и „Рябинки“, все равно никто из взрослых, кроме деда Макара, с нами так охотно не играл и не разговаривал во всей деревне».

Вот как «одинаково» реагируют дед и Егор на хозяина джипа, «размером с трехкомнатную квартиру»:

«...Я сильный был, когда любил и когда немца ненавидел. И это – по-честному. А теперь выходит, я им (он кивнул на джип) победу добыл? Он мне теперь на праздник раз в год стакан наливает. Ремонт обещает. Он – хозяин. Вот те – на... Думаешь, он сильный? Он жадный. Душой слепой. У него душа, как дичок. Яблочко незрелое. А кого дичками-то кормят?»

Я громко ответил за всех: «Свиной».

– «То-та! Егорка, свиной!» И вдруг как-то пронзительно посмотрел мне в глаза. Как будто в самую душу до дна взглянул, увидев во мне всю мою суть, а также изо всех сил скрываемую от людей застенчивость и робость».

Вот как рассуждает дед о семье и силе.

«Как бы вы семью сейчас не отрицали, а ничего кроме семьи не придумаете – в ней тоже есть большая сила, уж поверьте мне. Я, когда семью свою любил, я всех сильнее был. Я – мужем, отцом был! Это большая ответственность. А на заводе как работал! Понимал, что стране, как ни крути, оборонка нужна. Я готов был терпеть во всем. Мне важнее всего нужна была сильная Родина. А я был ее сыном. И на душе у меня был праздник. Семья была. Завод кормил. Квартиру на заводе дали. Хрен ли не жить, пацаны?»

Егор свидетельствует, что пацаны невольно соглашались с дедом – им нечего было противопоставить его Правде.

А вот мысли деда о кайфе:

«Как сейчас нынешние живут? Хочется спросить их, нынешних: Что вы хотите? Куды идете? Зачем? Любят они говорить, что по этому... „по кайфу“ живут. Это же тупик. Ничего вы не получите для души. Это вас в омут тянет. Потому что человеку „в кайфе“ всегда надо набедокурить чего лишнего. Не создать, а набедокурить. Над ним контроля нет, а сам он не может. Человек сам себя в свободе своей контролировать не может. Он в кайфе контроль над собой теряет, даже облик свой, на пес знает какой, меняет. Осмотрится такой по сторонам, и где ему кнута нет, да срок не светит – там нагадит всегда. Вот жалко, что на них кнута нет, а то был бы порядок. Кнут всегда нужен. Человек в кайфе разлагается. У него свободы много, ответственности – никакой. А что вы думаете, сильные теперь – молодые? В образе жизни своем? Сейчас приди фашист – шиш с маслом от вас».

Вот как реагировали на эти слова Егор и его друзья:

«Дед Макар дымил самокруткой, и когда дым рассеивался, то мы видели его страдающие глаза. Нам даже спорить не хотелось. Он говорил все правильно, даже для нас, пацанов. Мы не спорили».

Вот что дед Макар говорит о вере и Боге:

«Верю – значит, предан Богу. Верю в Него, как в правду, за которую готов непременно ответить и постоять. Ни во что человек так свято не верит, как в Бога и в правду. Это – одно и то же. Правда – от Бога. Люди верят в жизнь на Марсе, но им плевать, если завтра скажут, что жизни на нем нет, или что она закончилась. А за БОГА люди на костре горят. Я не стоял никогда за Христа и в костре не горел. Я даже молюсь не так, как другие. Я всегда Бога, как родного, рядом чувствовал, когда в войну в окопе ноги отмораживал, или, когда между жизнью и смертью был. Я Бога только благодарил. Потому что выжил. Но чего я не хотел всегда делать – так это просить или выпрашивать у Него чего-нибудь. Благодарить – пожалуйста. Просить – нет. Я же мужик всё-таки! Я и так прожить под Богом смогу. И прожил. Буду честен: лучше уж так, как я, – не клянчить, жить по совести, на небо „Благодарю“ сказать, чем выцыганить себе того, чего у другого есть, а у тебя нет. Или верить, что если поставить свечку пожирнее, то и просить понаглее будет можно. И они меня будут учить смирению? И они мне будут говорить, что я гордый? Что наглый? А они? Не наглые, все просят и просят у Бога, а не пытаются сами что-то в этой жизни сделать? <...> Вышла бабка в прошлый раз из храма да как поехала матом лаять на свою собаку, за то, что та ей под ноги суется-радуется! Я сижу и думаю: как же она этот театр смирения два часа выдержала и ни разу на священника не наорала? И когда она честнее была – в храме или с собакой? <...> Бабке Агафье, ей что в партию, что в храм со всеми. Невелика ее вера. Не велика, что свою праведность и веру она исчисляет походами в храм, числом свечек, числом ударов лбом об пол. Это не вера – это обряд. Обряды не делают веру сильнее. <...> Иногда люблю я „перемолившихся“ позлить тем, что рассказываю им о том, как напьюсь, и ко мне иногда ангелы прилетают. Мы с ними вместе и плачем и смеемся, хотя

больше плачем: над моей жизнью больше плакать хочется, чем смеяться. Я так всех люблю начинаю с ними, с ангелами, всех обнять хочу, – так на меня их визит действует. А протрезвею – вновь всех ненавижу и готов всем в лица плюнуть лживые и злые. Вот такую я историю православным рассказываю. Те меня, как еретика, поносить начинают, говорят, что нет столько молитв, чтобы меня отмолить. Видите ли, такого пьяницу, да ангелы посещают! <... > Смирение... это не когда платочек носишь сорок дней, да едой скудной себя моришь. Это когда сорок дней к тебе твоя супруга, во сне или наяву приходит, и ты силишься, чтобы с ума не сойти! Смирение – это когда ты на небо материшься, но не кончаешь себя, а дальше живешь и живешь! А не знаешь, зачем уж живешь. Так что от Бога то я и не уходил далеко: страдал, как Он велел, смирялся, жил по совести. Добро делал, как мог, и не делал зла великого»

Реакция Егора!

«Мне было по-настоящему жаль его. Доживая свой век, он выгорел и не было ему места даже на том островке спасения для всего человечества, как религия и ее основы. Кто он мне был тогда? Учитель? Нет. Просто дед. Неприкаянный, одинокий, спивающийся, доживающий свое, дед. Таких много на моей земле: грешников и пьяниц при жизни, святых – после смерти. Жизнь для таких – мука. И это все за попытку найти ответ на проклятые вопросы, за желание просто жить по совести.»

Дед Макар умудрился высказать Егору практически всю свою Правду. Вот слова о героях и мотивации.

«У вас героев-то нет. Все поступки только за деньги. Умирают ведь бесплатно только за идеи. А у вас, еп-ти, как ее?.. мотивация! Во! Мотивацию вашу я видел в зоопарке. Нажмет обезьяна педаль, дают банан. Не хочет жрать, не нажимает. Умное животное. Но мы-то, Егорка, люди! Нельзя на этой, мать ее, мотивации жизнь прожить!»

О своей святости:

«Мне как-то Михайловна говорит: «Во сне ты мне, Макарка, приснился. Свет от тебя шел, как от святого!».

О зле:

«...научился человек отговорки придумывать всему грешному и злему, чтобы как-то оправдаться в жизни своей».

О грехе:

«Я думаю грех – это когда душу придавит. Стыдом придавит, тяжестью. Спать не можешь, кусок в горло не идет, свет не мил. Вот, это грех. Душа, значит, заблудилась. А то, что громко смеялся или девку любил, разве грех это?»

Об истории:

«А вы ведь все бежите, как угорелые, и старших не слушаете, книг не читаете, да историю горазды стали год от года переписывать – жить хотите с нуля, с себя то есть».

Такие короткие, емкие и правдивые – подобные выстрелам – мысли не обдумываются долго. Сразу приходят на ум и сразу «выдаются в эфир» потому что давно уже «вызрели» и живут в человеке постоянно. Ищут своего воплощения в словах. И когда воплощаются – их трудно опровергнуть.

Распознав в Егоре своего, дед дарит мальчишке гармонь и говорит:

«Играй, Егорка. Ты, видно, тоже, как и я, – дурак от природы».

Егор не отнекивается от «дурака», наоборот, с благодарностью вспоминает о наставничестве деда Макара:

«Макар много души в нас вложил. Мистика случалась порой: во сне он нам снился в одну и ту же ночь – разным людям, в разных городах».

Вспоминает наставленный и о том, как жил дед Макар перед смертью?

«Зла не делал, даже пить устал, телевизор закрыл тряпкой и не включал больше. На его вопросы ответа в телевизоре нет. Словно понял в один момент, что смотреть ему больше там

ничего. Часто все на лужайке сидел, да на небо смотрел, и глаза его голубые, на солнце выщвели, как ситчик. И чувствовал я в последнее время, что смотрел он не на нас, а в нас».

Как это «в нас»? Сквозь кожу что ли? Или – в наши души? Какими глазами? Не иначе, как глазами внутреннего человека – зрением, открытым в деде Макаре свыше.

Егора тянуло к этой необычности деда, к его рассуждениям и выводам, но объяснить эту тягу ребенок был не в состоянии. Повзрослев, он честно признается:

«Стал понимать я слова деда, когда намного старше стал. Когда столько всего сдуру наде- лал и от других огреб».

И подводит итог дружбы:

«Дедушка Макар теперь уже навсегда оставил след в моей памяти. След этот светлый и добрый. Отеческий. Вложил он мне, как будто часть своей души, доверил Слово свое, и ушел. А во сне улыбается, смотрит на меня глазами голубыми, ничего не спрашивает, потому что и так теперь все и про меня, и про все остальное, что мучило его, уже знает».

Даже по случайно выхваченным из текста этим цитатам, становится понятно, что дед Макар не простой деревенский пьяница и затворник. Избранный. И что избрание его пред- определяет его задачу и его конкретную «праведную» работу в конкретном месте на земле.

А о том, что дед Макар все сделал, как должен был, свидетельствуют его явления в снах разных людей в светлых образах святого.

В финале моих размышлений встает третий вопрос.

Что делать Егору такому же «дураку от природы», как и дед Макар?

И получается, что он должен продолжать дедово дело. Уже в другом месте на земле, в другое время и другими средствами. Прислушаемся к тому, что Егор говорит о себе:

«Я распознал себя как некоего молодого и амбициозного „писак“. Писал „взахлеб“ и, как правило, на злобу дня. Давил своими рассказами на простецкие чувства тех, кто любил не шедевры литературы, а „что-то“ в киосках Роспечати. Народ узнал меня и потребовал. Потребовал так, что многие литературные собрания в городе не обходились без моего участия. Мы снимали кафе для литературных чтений, я ездил по детским библиотекам, школам, да раздавал свой труд, то за деньги, а то и вовсе – бесплатно, не без умысла, конечно, а, чтобы Имя мое еще громче зазвучало».

Зазвучало бы это писательское Имя без участия в жизни писателя деда Макара? Конечно – нет. Потому что «часть души и Слово свое» доверил дед еще не писателю – простому подростку. С умыслом доверил, с тайной задачей. Разглядел (по своей мерке) среди деревен- ских пацанов самого светлого и подтолкнул в избранные.

Иначе – для чего Правда? Должен же кто-то продолжать жить с нею на земле.

Август 2018г.

Владимир ХОХЛЕВ

Российский поэт, прозаик, журналист, редактор, сценарист.

Член международной ассоциации писателей и публицистов.

Член Союза писателей России, Международного литературного фонда и Литературного фонда России.

Санкт-Петербург

ЕГОР ЧЕРКАСОВ И ЕГО «ДВОРНЯГА»

*Отзыв Бориса Селезнёва на рассказ
Егора Черкасова «Дворняга»*

Я помню эти годы. Лихие 90-е! Общество буквально и в короткий срок было поставлено перед выбором: либо принимаешь новое, либо... И были те, кто не принимал. Поэтому это время считается трагическим.

Интердевочка, боевики с Ван-Даммом, килька в томатном соусе на прилавках, хлеб и рама, Леня Голубков, пирамида МММ, поле чудес, 600 секунд, распил бюджета, пьяный президент, братки, малиновые пиджаки и т. д.

А еще сменились нравы. И до сих пор эхо тех лет сказывается на более- менее сформированном современном обществе.

Очень важно сказать, что мы в ходе этой, не побоюсь слова, «гражданской войны» потеряли целое поколение – дети 90-х. Они, как губка впитывали в себя то, что мы обсуждали на кухнях, они видели, как противоречит сознание их родителей и реальности. Им невозможно было объяснить, как же произошло, что теперь, будто и солнышко пошло против часовой стрелки...

«Дворняга» – это драма несформировавшейся до конца личности, которая попала сначала в круговорот одного времени, а потом не сумела перестроиться в другое. Между временами остались переживания героя, его понятия о морали и достоинстве – и дальше уже его собственные понятия. В рассказе много символизма. Двор – это «отец», «дворняга» – его воспитанник. Шестая глава тоже наполнена символизмом: собака, которую бессмысленно убивают... – смерть, которая оставляет после себя неизгладимое впечатление у ребенка. После этой смерти он начинает понимать, что не все гладко во взаимоотношениях людей и «дворняг» и начинает осознанно идти уже по «иной» дорожке – дорожке, по которой ушли многие «дворняги» – дети и подростки 90-х.

Первая глава очень душевно и тепло описывает двор. Воспоминания, которые поймут те, кто жил в эту эпоху и вкушал ее плоды. Автор хорошо передает «воздух» той атмосферы.

Вторая глава рассказывает о так называемой «прописке» в новую «семью». Наш герой, переехавший в новый дом и выйдя во двор, сталкивается с первой немотивированной жестокостью, которая, по воспоминаниям автора, ждала практически каждого нового жителя тех времен.

Третья глава – особенная. Правду говорит автор в предисловии, что больше такого уже не будет – песни под гитару под окнами! Примечательно, что отрывок из затянутой песни дяди Вовы – из самой популярной песни арестантов ГУЛАГа. Как бы мы ни хотели отворачивать лица от этой страницы истории – это тоже наша история. Песенная история. В ярких впечатлениях ребенка, эта песня засела на всю его жизнь: «И так сердце сжимается, хоть вой вместе с дядей Вовой! Благо, детское сердце многое забыть может. И наше забывало, а дядю Вову – никогда!».

Поминки бабы Шуры, четвертая глава рассказа иронично повествует, как относились дети к этому траурному мероприятию. Грешно – но по-честному!

Пятая глава повествует о наивной первой детской влюбленности. Кто же не сталкивался с этим!

Шестая глава... – она не зря идет после пятой. Автор ловко обращается с эмоциями читателей. Он дает им вздохнуть и вновь кладет камень на грудь. Шестая глава переворачивает детство героя. Возможно, на ней оно и заканчивается. Первое реальное потрясение – первая смерть.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ повествования именуется юностью. Здесь мы наблюдаем обожженного горечью героя. Тут наступает период, когда меняющиеся времена заставили меняться общество. Но не нашего персонажа. Первые три главы повествуют об этом.

Четвертая и пятая глава показывает уже сформированное мировоззрение и выбранный путь героя. Он ушел. Ушел за остальными «дворнягами», не вынес лицемерия, измен и «новой правды». В конце пятой главы, можно увидеть его собственную справедливость, смелый душевный порыв, еще не до конца заматерелое и наивное мышление подростка, ставшего на опасный путь: «Я разорвал эту цепь! Я сделал революцию! Мне плевать, что где—то еще есть сотни таких «старших» и еще больше младших, которые не могут вынуть «отвертку» на законы цепи. Я сделал это, и мой микрорайон хотя бы на немного, но задыхал вольно! Я дал отмщение за также заколотого Мишу и дал понять всем остальным: есть еще такие «младшие», которые не хотят быть в холуях у «старших» и всегда готовы вот – вот и вырвать корону у тех, кто ее получили не совсем заслуженно! Да! Именно так, и не как – иначе! Именно так я скажу на суде и, возможно, мне скостят срок...

Я так думал, я так мечтал. Я плакал и хотел справедливости». Но было уже поздно.

Шестая глава. Конечно, ему дали срок. Он его отмотал и вернулся к «отцу» – своему двору. И только ему двор мог ответить на его вопросы. И вот он – другой, поменявшийся и перепрошитый герой. Герой уже иного времени, ушедшего в небытие.

У автора в рассказе добротный язык. Не исключаются просторечия и арго (феня). Много разговорного жанра. Формы глав напоминают мазки художника, который предлагает нам увидеть действие, не шибко углубляясь в детали. Главы очень напоминают воспоминания очевидца. Рассказ прочувствован автором – это видно сразу. Мне нравится, что Егор Черкасов поднял тему, которую не решились потревожить многие российские писатели. Искренность и сердечные переживания дорогого стоят в наше время. Не удивлен, что данный рассказ напечатали в общероссийской газете «День литературы», а аудиокнига с этим рассказом разлетелась по всему Нижнему Новгороду. Желаю автору дальнейших успехов, а читателям – приятного чтения!

Борис СЕЛЕЗНЁВ

поэт, член СП России,

гл. редактор Общероссийского альманаха «АРИНА»

Сентябрь 2018г.

Отзыв В. М. Терехова на рассказ Егора Черкасова «Рассказывал дед Макар»

«Ваш рассказ о дедушке Макаре относится к настоящей, серьезной литературе. Я считаю, что хорошую прозу писать труднее, чем хорошие стихи. У вас она получается. Через тематические главы, объединенные общим героем и вами, рассказчиком, проступает время, в котором живут уже разные поколения, не понимающие порой друг друга, но тянущиеся к взаимопониманию людей. У вас есть способность воспроизводить чужое слово (монологи Макара), без карикатурности вплетать простонародные, бытовые, разговорные, жаргонные выражения, но вместе с тем язык ваш сохраняет, несет в себе настоящую, подлинную литературную основу, где нет следов примитивного ученичества, но уже есть проявления подлинного литературного мастерства. Меня в одном месте только ваше литературное отступление о себе как о „писателе“ покорило, но это поправить легко, да и, может, и не надо... Считаю, чтоopus достоин печати в любом „толстом“ журнале. Конечно, диапазон вашего дарования по одному „деду“ не определишь, но что у вас есть художественный дар, безусловно. Пошлите, что еще у вас есть, м.б., и и хлестану злее и отрицательней, но дед Макар для вашего осуждения мне фактов не дает...»

В. М. ТЕРЕХОВ

поэт и писатель,

заслуженный работник культуры РФ,

председатель Нижегородского отделения РСПЛ, главный редактор
альманаха «Российский литератор»

Сентябрь 2018г.

Отзыв В. В. Колесника на рассказ Егора Черкасова «Детский альбом»

«Егор, за Ваш „Детский альбом“ – моё Вам почтение и уважение. Здорово сработано. Мой Вам совет – не распыляться, а работать исключительно для детей. Настоящих детских писателей сейчас единицы. Удачи Вам!»

В. В. КОЛЕСНИК

детский писатель,

член Союза писателей России,

лауреат Всероссийских литературных премий

«Прохоровское поле» и «Имперская культура»

Белгород 2018г.

«УСТАМИ ЭТИМИ ГЛАГОЛИТ ИСТИНА»

*Отзыв Е. Ю. Орен на рассказ
Егора Черкасова «Детский альбом»*

Тема детских переживаний, тема Бога, греха, справедливости выражены в рассказе Егора Сергеевича Черкасова с позиции любознательного и мыслящего ребёнка. Детские мысли и переживания призваны заставить взрослого глубже задуматься о том, что происходит в душе и в мышлении мальчика, познающего всю многогранность мира внешнего и – что сложнее – мира внутреннего.

Легкость фраз и доступность текста привлекает читателя с первых строк рассказа. Хотя большинство текста произведения написано в виде монолога главного героя, это всё же диалог – диалог с самим собой, с читателем, со всем миром... Читатель невольно становится наблюдателем тайн и яви в жизни главного героя, вовлекается в процесс осмысления всего происходящего.

Итак, «Детский альбом» рассказывает читателю о переживаниях и мыслях ребенка, о его богатом внутреннем мире, о котором мало что известно взрослым. Его, казалось бы, наивные умозаключения становятся самой верной оценкой всего происходящего. Именно взгляд этого ребенка – истинный. Всем ли удастся это увидеть и признать? Хочется верить, что большинству.

К сожалению, иногда взрослые забывают о том, что и у ребенка есть на все свой взгляд. Часто старшие просто преднамеренно не спрашивают его, ведь «им же виднее». Думаю, данный рассказ будет полезно прочитать не только родителям и педагогам, но и тем, кто собирается ими стать. Тогда, возможно, проще будет избежать подобных ошибок и окажется возможным воспитать больше свободных и гениальных детей с самого раннего детства. Рассказ «Детский альбом» в этом случае может стать своеобразной мини-энциклопедией для взрослых, в которой они смогут найти верные ключики к детскому сознанию и подсознанию.

Каждый день мы с легкостью можем встретить в своем окружении подобного мальчика, увидеть описанные в рассказе ситуации, и это делает рассказ близким читателю.

Рассказ написан грамотным, доступным, живым языком, поэтому легко читается и запоминается. Благодаря этому он может быть включен в школьную программу наряду с рассказами, скажем, Н. Носова. К тому же, рассказ разделен на маленькие эпизоды, каждый из которых интересен как к прочтению, так и к инсценировке, поэтому может быть взят на вооружение детскими театральными студиями, а также быть использован в рамках комплексного урока по литературе.

В рассказе не только описаны истории из жизни главного героя, но и кратко отражены психо-эмоциональные состояния ребенка, реакции взрослых, сделанные ребенком выводы. Ряд умозаключений звучит из уст главного героя, при этом кажется, что он – это автор в детстве. И, не смотря на то, что лирического героя и автора стоит все же разграничивать, подобная их близость и кажущаяся идентичность способны влюбить читателя в произведения Е.С.Черкасова, вызвать доверие к рассказчику и, тем самым, помочь в осознании истин, о которых говорит главный герой рассказа.

Рассказ «Детский альбом» затрагивает такие важные темы, как взаимоотношение нескольких поколений, отношения между родственниками и соседями, отношение к братьям меньшим, к природе, к Богу.

Примечательно и радостно было заметить, что все эти темы, сложные для осознания маленькими детьми и часто критически воспринимаемые представителями старшего поколения, не только легко воспринимаются в рамках выше названного произведения Е.С.Черкасова,

но так же легко обсуждаются, переходят из уст в уста и дают почву для дальнейших размышлений.

Выражаю благодарность автору за написание и печать рассказа «Детский альбом», как, впрочем, и всех остальных его произведений. Читателям желаю приятного прочтения, своевременного познания истин и всех благ!

Елена ОРЕН

поэт и писатель, турколог,
педагог-психолог, художник живописи на воде Эбру,
член Нижегородского отделения РСПЛ,
член секции поэзии и прозы группы «Арина»
при НОООООСПР

КНИГА ПЕРВАЯ

ДЕТСКИЙ АЛЬБОМ

*«Глаза этого ребенка видят совсем другие „фотографии“. Он мечтает о своем „фотоальбоме“, где будет размещен его мир. Забавный ребенок. Имеет свое самостоятельное мнение. Практически на все. У него вообще все свое. Не похожее на взрослых»
(Запись из личного дневника)*

Глава 1. Детский альбом

Мой альбом любит только мама. Я не люблю. Да и за что его любить? Пару раз просил маму сфотографировать, как я надул пузырь из жвачки – не стала. Как я на голове стою – не захотела. А у ворот детского сада сфотографировала. С тетей Зиной сфотографировала. А с тетей Зиной я вообще фотографироваться не люблю. Потому что она врет все время. Врет, что я быстро расту и уже чуть ли не на ее глазах вырос. Зачем такое ребенку говорить? Ведь я себя-то знаю и каждый день вижу!

Постоянно заставляют улыбаться. А я не люблю улыбаться. А зачем улыбаться, когда тебе невесело? Мама говорит, что для истории. Но я же буду помнить, что мне тогда было не весело, а грустно. Так какая же тогда у меня история?!

Не люблю фотографироваться со всей группой из детского сада – не люблю, и все. Мама на утреннике всю пленку израсходовала на ерунду какую-то. Дала бы лучше фотоаппарат мне. Я-то знаю, что фотографировать. Вот, к примеру, соседскую собаку. Как она в прошлый раз за кошкой Шуры-то беззубой гонялась! Вот это интересно. Как я с дерева в снег прыгал – это интересно. Как горка растаяла – тоже ничего. Как дядя один дядю Мишу бил за то, что тот пьяный уснул за рулем машины и аварию сделал. Столько бы кадров можно было наснимать! А как у Сеньки зуб выпал! Ведь никто не подумал это сфотографировать! А что, у Сеньки так много зубов?

Вот так я бы забил альбом нужными фотографиями. И когда грустно бы мне было – обязательно его смотрел. А то мама смотрит альбом и смеется. А мне, вот честное слово, не смешно. Поэтому, детский альбом – это для мамы. Не для детей это.

Глава 2. знаю, почему умерла Люська

Меня разбудила утром бабушка. Она посмотрела на меня очень серьезно и сказала, что Люська умерла. Потом спросила, расстроился ли я. Я сказал, что не расстроился, потому что знаю, отчего Люська умерла. Бабушка удивилась и спросила: «Отчего же, милый?». Я знал, отчего, и сказал, что смерть наступила оттого, что она съела попугая у бабы Алевтины. Бабушка рассмеялась и ушла на кухню. Я же стал быстро одеваться. Ведь не мог я пропустить похороны почтенной кошки.

Кошка и впрямь была почтенной. Ее кормил весь подъезд. А кошке этого достичь не так-то просто. Вот представьте: вы сейчас кошка. И что вы будете делать?

А она знала, что делать. Для того, чтобы поесть сытно, она никого не обижала, ходила в туалет на улицу, не разбрасывала еду по подъезду, и когда ее хотели погладить – всегда давала себя гладить. Вот так надо вести себя кошке!

Сначала я пошел к тете Зине. Та, представляете, даже и не знала, что кошка умерла! Я, можно сказать, вовремя ее предупредил. Дальше я не стал тратить время зря и пошел к бабе Клаве. Та тоже ничего о смерти кошки не знала. Я был просто в панике. Побежал к Шуре беззубой. Но та уже все знала, потому что кошку мертвой первая нашла она. От Шуры я узнал, что кошка умерла от старости. Ерунда! Я сам видел, как она попугая у Алевтины съела. А попугай был вредный. А таких есть нельзя. Такие сами умирают. А вредный он был потому, что когда я ему семечки давал покушать, он шелуху от них из клетки своей мне в лоб выплевывал. Бабушка говорит, что его Бог наказал. Я тоже теперь так думаю. Но и кошку Бог наказал. Не знаю, за что. Если бы я был Богом, то непременно воскресил бы кошку, а попугая нет. Хотя... может, из жалости и обоих воскресил бы.

У Шуры я спросил, когда будут похороны кошки. Та сказала, что меня непременно позовет, и мы все с ней простимся. Я ждал несколько дней. Но Шура меня не позвала. Потом бабушка мне сказала, что детям такое смотреть нельзя было, что кошку отнесли на обрыв за домом и в пакетике схоронили. Я был в ужасе! Ей даже не сделали гроб. С бабушкой я не разговаривал до обеда. И все это время вспоминал Люську. Потом подошел к иконе Спаса и попросил от чистого сердца, чтобы Люське в раю было непременно хорошо. Потому что ее весь подъезд любил и ничего ей плохого не желал. Попугаю – желал, потому что тот орал из окна. А кошке – нет.

Бабушка говорила, что Бог все слышит. Что детей он слушает особенно внимательно и всегда исполняет их просьбы. Поэтому за Люську я больше не переживаю.

Глава 3. Как у Сеньки зуб выпал и как мы с дерева прыгали

История Сеньки была непростая. Раньше у него вообще зубов не было. Это он так говорит, потому что ему это сказала старшая сестра, а ей эту историю передала мама, а маме – бабушка, наверное. Поэтому я ему поверил. Но потом Сенька начал есть все, даже колбасу, и зубы у него из-за этого начали расти. И росли они у него быстро. Это ему папа сказал. А он у него военный. Он не может врать!

А потом Сенька согрешил. Он конфеты новогодние ел, а мама ему запретила. А чтобы она ничего не поняла, он у конфет фантики выпрямлял и закручивал, как будто там конфета есть. Разворачиваешь фантик – а ее нет. А за грехи Бог всегда наказывает. Вот, как сказал Сенька, его Бог и наказал. И наказал двумя зубами. Они-то у него и выпали. Один у него выпал ночью, как Сенька сказал, он его проглотил во сне. Его даже к врачу водили, потому что у него живот болел после съеденного зуба. А потом ему еще прививку сделали и в зоопарк сводили. Но это потом уже было.

А второй зуб он при мне вытащил. Мерзкий такой, с кровью. Пряма – фу, а не зуб. Сенька еще долго мне его показывал и через дырочку от него кровью плевался. Зуб у него шатался и он ждал, когда я к нему в гости приду, чтобы зуб этот вытащить наконец.

Крови было много. Мы даже с Сенькой сначала попытались вставить зуб на место, чтобы этот ужас прекратился. Но зуб выпадал, словно чужой. Как будто он вообще не у Сеньки рос, а у Шуры «беззубой». Но мы-то знали, что это Сенькин зуб. У Шуры они не белые, а желтые, и по бокам черноватые. С трещинами и длинные, как у дракона. А у Сени зубы белые, потому что молочные.

Зуб мне Сеня потом еще долго показывал. Много времени он у него был в специальной тряпочке для остальных зубов. А потом мама его убиралась и тряпку с зубами выкинула. И больше мы с ним его зубов не видели.

А с дерева мы здорово прыгали. Сенька тогда на ноги неудачно приземлился, и ноги его в коленях согнулись. А голова его об колени и ударилась. Тогда Сеня еще один зуб потерял. Но в снегу мы его не нашли.

Глава 4. Помню: мама ночью плакала

Мама тогда ночью не спала. Она дядю Лешу ждала. А он раньше к ней все время приходил, а потом ходить перестал. Дядя Леша хороший мужик был. Если меня в садик отводить – это дядя Леша с утра делал. С балкона плевать и птиц кормить меня тоже он научил. Я даже вместе с ним машину водил, а его потом оштрафовали за меня. Дядя Леша все на юг ездил и мне оттуда фотографии привозил. Тоже, кстати, неинтересные. Все море на них было изображено и палатки с пивом. А еще две пальмы. Больше ничего. Да, кстати, пиво меня отучил пить тоже дядя Леша. Большое ему спасибо. Хотя тогда я его еще ни разу не пробовал, но он мне пить пиво строго запретил. А когда я спросил, почему, тот показал на свой живот и сказал: «Вот почему!»

Хороший он был, дядя Леша. А потом к нам ходить перестал. И мама платье мое любимое сразу надевать перестала. И краситься. Хотя все женщины красятся. А моя мама перестала.

Я тогда ночью тоже не спал. Мама молилась и плакала. Поэтому я не мог заснуть. Мама увидела, что я не сплю, поставила меня к иконам и попросила, чтобы я за дядю Лешу и за неё помолился.

Я, конечно, не хотел молиться за дядю Лешу. Ведь ему можно было бы просто позвонить и узнать, где он. Позвонить и позвать к себе. Но мама до этого не додумалась. Пришлось за дядю Лешу прочитать «Отче наш».

За маму я охотно молился. Чтобы у нее на работе все было хорошо, чтобы завтра она поела плотно, чтобы в пробке в автобусе не стояла. Чтобы бабушка завтра ко мне водиться пришла, чтобы соседка Шура жива была. В общем, неплохо помолился я и пошел спать.

А мама все плакала и не спала.

Я привстал с кровати и заявил ей, что дядя Леша пуцай к нам больше не ходит, что у нее есть я. И это больше, чем дядя Леша.

А она тогда прижала меня к груди и еще больше заплакала. И все шептала мне на ухо: «Не надо так про папу говорить! Не надо!»

Глава 5. С бабушкой в церкви, или почему по утрам я не люблю Бога

Бабушка сказала, что в воскресенье мы с утра пойдем в храм. И, конечно, в субботу вечером я согласился. Но когда наступило воскресенье, рано утром я подумал, что мог бы сходить в церковь, ну, к примеру, в понедельник. Или во вторник. Я удивился, когда узнал, что в церковь люди ходят и по вечерам. Я спросил у бабушки, почему мы пошли утром. Она ответила так:

– Что, ножек своих потоптать для Господа не хочешь? Встать рано для него не желаешь?

На что я ответил:

– Нет, не хочу. И вообще, для него по утрам ничего делать не хочу. Пускай до вечера ждет. Ведь он Бог, а я – ребенок! Ему не стыдно не давать мне спать?!

После такого ответа бабушка сразу начала креститься.

Утренний Бог злой. Он заставляет людей не высыпаться и ходить к нему рано-рано, чтобы просто помолиться, а потом весь день хотеть спать. Вечером у бабушки заболела голова. Она сказала, что заболела, потому что не выспалась. А не выспалась она из-за Бога, который ее поднял в шесть утра. И меня он поднял в шесть утра. И теперь я тоже не выспался. И у меня тоже болит голова. И вообще, все в храме спят на лавочках и не молятся. А кто-то зевает во весь рот. Почему мы все пришли сюда? Почему Бог хочет нас видеть в семь утра? Он что, не знает, что земляне спят в это время?

Глава 6. На исповеди

Взрослые много грешат. Потом идут каяться по утрам. Потом снова грешат. Потом опять идут каяться. Я бы перестал на их месте грешить, чтоб хотя бы не вставать в шесть утра. Боженька просыпается раньше грешников и уже утром готов их всех слушать. Ну, и работа у него!

Бабушка говорит, что родился – это уже грех, и как только родился – всегда грешишь. И всегда стыдно за это тебе быть должно. А если мне не стыдно? Если я даже не знаю, что я сделал, а мне уже стыдиться надо за то, за что еще не стыдно? Странные какие-то взрослые и их Бог.

Лучше бы я не родился – потому что уже грешен. Тогда и мама согрешила тем, что меня на свет «появила», чтобы я грешил. Надо не рождаться, чтобы не грешить. Только так, и не иначе. Странно все это.

– Батюшка, а если я не согрешил? Если мне не стыдно?

– Такого не бывает, мой дорогой. Всегда за все стыдно. За то, что сделал, и за то, что не сделал.

– Так мне, может, заранее стыдиться? Ведь я еще не сделал того, за что стыдиться. А тут заранее за все стыдно: и Богу и тебе хорошо.

– Богу нужны слезки твои, дитя, и раскаянье. Сердце сокрушенно и смиренно Бог...

– Не получается, батюшка!

– Что, дитя?

– Плакать, батюшка. Только если мне болячку на ноге сковырнуть...

– Так! Ладно! В чем согрешил?

– Согрешил, батюшка.

– В чем, я тебя спрашиваю?

– Бабушка сказала, что я телевизор много смотрю.

– Так это же прекрасно, дитя... ну, то есть, вот он – первый грех твой!

– Нет! Бабушка сама мне его включала и уходила болтать с Анной Семёновной с четвёртого этажа! Сказала, что за дрожжами, а сама целый час болтала!

– Хм... хорошо. В чем еще согрешил?

– Бабушка сказала, что я врун.

– А ты врешь?

– Нет. Я фантазирую. Дети не врут, батюшка.

– Так-таки и не врут?

– Не врут. Бабушка сказала, что я ангел. Все дети ангелы, батюшка.

– То есть, ни за что не стыдно?

– Стыдно. За дождевого червя стыдно... Почему вы смеетесь?

– Нет, нет. Это я так... Так что же с дождевым червем?

– Я его перестал кормить. Раньше по куску пирога, да приносил, а сейчас... как он там, сам по себе... Батюшка! Я спросить хотел. Гиена огненная – это та самая гиена, которая в Африке живет? А почему ее все грешники боятся? И почему бабушка боится, и я должен всегда помнить о ней?

– Ступай, милый. И ничего не бойся. Господь с тобой.

Батюшка поцеловал меня и дал мне крестик поцеловать. Это я люблю, Господа целовать.

Глава 7. Болею

Болею. Горло болит. Сказал врач, что неделю буду лежать. Что хорошо в болезни – это шоколадка, которую мама принесет с работы! А еще мультики днем. А еще, когда бабушка книги читает, а еще, что маму с работы можно из окна встречать и махать ей рукой.

Что плохо в болезни – так это таблетки. И лежать всегда надо. Но у меня же горло, а не нога болит! А еще плохо, что на улицу не пускают. Рано надо спать ложиться и мороженое нельзя. А что еще плохо в болезни, это когда ты думаешь, что все плохо, и все на тебя смотрят и вздыхают, как будто ты умер. И ты на них смотришь, и самому плохо, аж слезы текут. И так плохо, как будто тебя не любит никто, а хочется, чтобы любили...

Глава 8. Самая страшная тайна

У Сеньки есть друг. Он меня старше на пять лет. Ему десять. Он уже взрослый молодой человек и носит портфель с тетрадками в школу. Он говорит, что в его возрасте надо учиться, а не балбесничать, потому что он умный становится от учебы. А я на него смотрю и думаю: все равно, как был дурень, так и остался!

Но однажды Сенькин друг, Миша, тот, кого я дурнем считаю, поведал нам с Сенькой страшную тайну. Мы аж сели в песочницу от того, что услышали. Он заявил, что я и Сенька вообще родились не из животиков своих мам, а из других мест. Откуда, он так и не сказал, но заявил, что нас с Сенькой наши мамы обманывали и не говорили нам самой настоящей правды. Я сказал, что моя мама не может мне врать. Но он только улыбнулся и ушел, сказав напоследок, что с малявками ему нечего делать, и доказывать нам правду о нашем рождении он не станет, потому что времени у него мало и он пошел уроки учить. Вот тогда мы и поняли, что Мише нет смысла нас обманывать. Но вот из каких мы мест родились у мам наших – это осталось для нас большой тайной. Раскрыть ее я не смог. Сенька сказал, что тоже не знает, как ее раскрыть. Потом я подумал, что стоит об этом спросить у бабушки. Быть может, она знает...

Глава 9. Почему охает бабушка, плачет по ночам мама, и почему я не хочу быть взрослым

Бабушка охает. Порой целый день. Ходит по кухне и охает. Потому что постоянно болеет. А болеет из-за грехов. Это она так сказала. Когда она успевает грешить? Ведь каждую неделю в воскресенье она грехи замаливает и за неделю снова набирает. А Бог... он постоянно наказывает ее. Нет бы простить! Ведь она все равно в воскресенье придет и опять расскажет ему о своих грехах! Но он ее злобно наказывает. Ему нравится издеваться над ней. А ей приходится ему молиться. Иначе будет совсем плохо.

Еще бабушка охает, когда я ей мешаю сериалы смотреть. А еще она охала, когда я ее просил тайну раскрыть, которую мне и Сеньке Мишка поведал. Так и не рассказала тайну. Видимо, она есть!

Еще бабушка охает, потому что дедушка пил и умер от этого. Но я его не видел – я не помню его. Бывает, она охает от пенсии и старости. Старость – это когда лицо обвисает и тити. Так и произошло с бабушкой. Она стала старушкой. Пенсия у нее стала маленькая. Но и большой она не была. В общем, кушает она мало, думает о смерти и кожа у нее не становится, как у меня. Бегает бабушка плохо. Я ее быстрее. Она переживает за меня постоянно, я даже не знаю, почему. И всегда плачет. Говорит, что ангелочек я, и плачет. А себя «старой дурой» называет. А я ее бабушкой зову. Так привычней.

Бабушка блокаду пережила. Она говорила, что сильно голодала и теперь по-другому к еде относится. И к людям вокруг. А еще у нее муж умер, и другой умер. Это очень непросто. Она мне сказала, что когда я буду старым, то буду камни собирать и переживать за сделанное раньше в своей жизни. И буду горько обо всем жалеть и Бога просить о прощении.

Мама плачет, потому что дядя Леша – козел. Это не я сказал, а бабушка. А еще мама ему деньги должна и кредит, – я ничего в этом не понимаю. Но она платит куда-то большую денежку каждый месяц. Мама плачет, потому что она никому не нужна, кроме меня. По утрам она встает, и у нее лицо, вспухшее от слез. Мне ее жалко.

А еще мама плачет из-за работы. В кризис ей не платят зарплату. Она ходит с ума и много работает за компьютером. Ночью работает, пока я сплю. У неё болят глаза, и у неё ещё много чего болит. Это из-за того, что она меня родила. Животик ей резали, и теперь он болит.

Из-за того, что я маленький и зарплата у мамы маленькая, она всегда меня просит, чтобы я быстрее рос. Для этого я ем много каши. Ем яички, ем суп. Делаю зарядку по утрам. И мне кажется, что скоро мама перестанет плакать, только... я хочу вырасти... и не хочу. Хочу, потому что мама велит расти. И потому, что Сенька скоро вырастет и станет, как Миша. А я что же, буду маленьким всю жизнь?! Так не годится. А не хочу я вырастать, потому что не хочу быть, как мама и бабушка. Не хочу болеть, стареть, не хочу отвисшую кожу и тити. Не хочу видеть, как люди умирают. Не хочу болеть и просить прощения у Бога, который постоянно будет меня наказывать. Не хочу сам умирать. Не хочу плакать и охать, не хочу, чтобы меня обманывали другие люди, как маму. Не хочу платить деньги никому и не хочу голодать, как бабушка. Не хочу воевать. Не хочу делать то, что не хочу, делать, потому что так надо, потому что я взрослый. Не хочу жениться. Мама говорит, что женюсь – и забуду ее. Чтобы маму не забыть, никогда не буду жениться. Мама же больше не выходит замуж, и даже дядя Леша не приходит. Вот и я буду с мамой и не буду никого водить к себе домой.

Не хочу врать. Хочу фантазировать. Не хочу исповедоваться, когда мне хорошо, и с утра не хочу ходить в храм. Не хочу терпеть много, как бабушка, потому что так надо. Мне нравится гулять, прыгать с качелей в песок, рисовать мелками, делать кувырок вперед, дразнить Павлика (он такой глупый – все это знают. А еще он камнями в окно Шура беззубой кидал), смотреть, как горит откос в парке летом, прижигать зажигалкой мошек, когда они на балконе на стекло садятся. Я хочу прыгать на скакалке, играть в прятки и всегда побеждать. Хочу кататься на собаке Чарли, когда она к нам во двор заходит, хочу есть мороженое и не болеть. И я еще много чего хочу. Я – ребенок. Я не хочу плакать и страдать. Дети не страдают. Страдают только взрослые. Это как когда-то я ветрянкой болел: мне – ничего, а маме было очень плохо!

Глава 10. Свой фотоальбом

Я все равно стану взрослым. Мне так сказали все. И батюшка, и дядя Леша, и мама, и Шура беззубая, и бабушка. Это не избежать. Когда я вырасту – куплю себе фотоальбом. И буду туда фотографии помещать. Но не такие, как у мамы в альбоме, где я себе не нравлюсь, а такие, которые мне будет интересно смотреть.

Вот, например, фотография, где мама улыбается. У мамы мало фотографий, где она улыбается. Мама вообще последнее время мало улыбается. А у меня в альбоме будет! Хочу найти фотографию, где бабушка молодая, и кожа у нее не висит, как сейчас. Будет красивая фотография. Хочу себя с Сенькой сфотографировать и с тетей Валею – нашей воспитательницей. Она помогала нам домик строить из песка – она нас любит, она хорошая. Хочу сфотографировать всех с улыбками, всех довольными и счастливыми. Дать всем по конфете и сфотографировать. Хочу, чтоб в моем альбоме не было дяди Леша. Он доводил маму до слез. Из-за него она платит денежки и лежит сейчас в больнице. За это в моем альбоме его не будет.

В моем альбоме все будет хорошо, а не как у взрослых. Им всегда стыдно за некоторые свои фотографии. И они говорят гостям, которым дали альбом свой посмотреть: «Ой! А это и смотреть-то не надо!» В моем альбомчике будет солнце (я-таки прищурюсь и его сфотографирую), будут фотографии, где я с обезьяной на море, будет наша первая собака, будет снеговик, которого мы лепили этой зимой, будет первый снег. Будет зуб Сеньки (хоть и на фотографии), зубы других моих товарищей, чтоб им обидно не было, будет первая моя машина. Туда я помещу всех и все хорошее, что мне нравится. Там буду я! Всегда таким, какой я есть – маленьким, а не взрослым!

ДВОРНЯГА

(Рассказ о том, чего больше не будет)

Часть I ДЕТСТВО

Глава 1. Двор

Всё-таки, несправедливо его забыли, оттого он обиделся и вовсе зарос кустами папоротника и прочими лишайниками и репейниками. Какое-то потребительское отношение у ребят выработалось ко двору – а ведь этот клочок земли, этот «4х4», был нам когда-то домом и давал некий хлеб и пищу для ума. И только иногда взрослые ребята – выпускники двора отдают честь ему, заливая зимой горку для младшего поколения.

Про двор я мог бы рассказывать целыми томами – вот насколько я любил это место. Место, где в песочнице никогда не было песка, но в глубине этой песочницы я зарывал выигранные фишки. Место, где меня манило своим концентратом пространство и мудрость, что я оттуда вынес. Место, которое меня воспитывало так, как не решались воспитывать родители. Великолепная «школа», которая мне дала возможность приобрести различные навыки, в которой довелось пережить первую влюбленность, первую драку, несправедливость, проверить себя на стойкость. «Учреждение уличного воспитания», где мне, как в зеркало, показали меня самого, с характером, выдержкой, с хорошими и плохими чертами. Как сейчас, я закрываю глаза, – а там открывается панорама моего двора: Я лежу на траве и смотрю в небо – оно тоже квадратное, как и сам двор, а рамочкой для картины неба служат четыре нависшие по его бокам высотки.

Глава 2. Первый класс

Здоровая палка с сучьями припекла мне спину! Пацаны с радостным свистом кинули мне вслед еще что-то, я пригнулся, и это «что-то» разбилось о бордюр. «Вот так обряд посвящения!» – подумал я, но надо было тикать, ибо малолетки, эти хищные малолетки, были охвачены немотивированной необузданной яростью, и хотя бы только за то, что я два дня назад переехал в этот двор, могли мне напрочь отбить башку.

Домой я возвращался поздно, озираясь по сторонам. Всё-таки эти твари могли меня ждать где угодно. Надо же! Загнали куда-то так далеко, что я даже не мог узнать улицу, на которой находился.

Ломило спину, донимала легкая одышка. И было уже невозможно скрыть от родителей то, что первый день в новом дворе прошел для меня не ахти: разорванная рубашка, грязные кеды и большой синяк на спине.

Глава 3. Песни дяди Вовы

Эти песни – одна сплошная баллада. Не понять ее только тем, кто не слышал дядю Вову, кто не сидел, и тем, кто не слушал ДЯДИВОВИНЫХ басен о судьбине сиротской.

И все ждал, закрыв глаза, что Всевышний одарит меня необычным синдромом, как у того тайца, или как у индуса, или, прости Господи, четырьмя руками.

С этими мыслями я, видимо, и заснул.

Но даже те, кто ничего не знал, а именно мы, дети, и те плакали и смеялись, проявляли разные сентиментальные чувства к дяде Вове и даже выносили ему иногда пожрать чего-нибудь. А он порой глянет на нас как-то с прищуром, да и скажет: «Эх, шалупень! Да наврал я все! Да за что вы так меня любите?! Даже я так себя не люблю!» Возьмет гитару, да затаит: «Не печалься, любимая, за разлуку прости меня...» И так сердце сжимается, хоть вой вместе с дядей Вовой! Благо, детское сердце многое забыть может. И наше забывало, а дядю Вову – никогда!

Глава 4. Поминки бабы Шуры

Поминки бабы Шуры запомнились мне пирогами с грибами (до сих пор помню этот запах), компотом из сухофруктов и запахом талого воска.

Сейчас я понимаю, что это был за «праздник», а тогда нас, дворовую шалупень, согнали с футбольного поля всех в одну квартиру, чтобы мы пожрали. В квартире бабы Шуры мы вели себя достойно, скромно и благоговейно, рассматривая узорчатый ковер, пыльную хрустальную люстру и старые фото.

Запах пирогов перебивал воспоминания о бабе Шуре, а монотонные молитвы какой-то старухи как раз казались некстати. От обещанной выпивки у мужиков чесались и тряслись руки. А у нас от обилия съестного проступала слюна. Но одно мы знали точно – ничто не вечно, и скоро начнется час обжорства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.